

Обычно в статье в самом конце упоминаются источники информации, делаются выводы.

Я хочу поступить ровно наоборот: сама тема заставляет.

Основные источники: исследования уральских коллег, научно доказывающие вред мата, — сборники «Речевая агрессия», изданные в Челябинском государственном университете с участием авторов из Челябинского медицинского университета; сборники Екатеринбургского центра экологического выживания и безопасности; конечно, работы без преувеличения легендарного русского филолога, профессора МГУ и ВШЭ, лекции которого я слушал в юности, Бориса Андреевича Успенского; работы епископа Митрофана (Баданина), книгу которого «Правда о русском мате» сразу рекомендую, она есть в открытом доступе в Интернете. Кроме того, труды таких авторов, как Л. А. Китаев-Смык, Г. Ф. Ковалев, В. Ю. Михайлин, и других.

Мое отношение к мату, матерщине, сквернословию крайне отрицательное: я не просто считаю, я *твердо знаю*, что человек, который *регулярно* матерится, я подчеркиваю — регулярно, не делая различия между общественным и личным пространством, — безнадежно болен речевой онкологией, поведенческой онкологией, раковой опухолью, и если это не первые стадии, а последние — он обречен. Не будем далеко ходить за примерами. Михаил Лермонтов — безусловно, талантливейший из наших соотечественников. Но он в пору своей военной юности приобрел черный, язвительный, сквернословный характер, не смог его изменить, — к двадцати пяти годам впал в полусумасшествие, в двадцать семь погиб, сам нарывался на дуэль без шансов.

Общество, которое допускает сквернословие, тоже больно ментальной онкологией и обречено. Сквернословие есть признание слабости человека и общества и одновременно поклонение самым примитивным и разрушительным началам. Мы сейчас не говорим о самих словах, а именно о *поклонении грязным, прогнившим началам бытия*. Общество, которое не борется с этими началами, отбрасывает себя не на годы и десятилетия, а на столетия назад, не то что никакое развитие в нем невозможно, оно все свои нажитые достоинства вмиг разбазаривает.

У мата немало защитников. Но, во-первых, все их доводы не выдерживают никакой критики. Во-вторых, их защита мата — это защита собственного права на: а) невежество, б) агрессию, в) слабость и безволие, г) самые примитивные, животные удовольствия. Мы что, должны их слушать, а значит, потакать их слабостям и животным удовольствиям?

Очень странно, что многие защитники русского мата живут в Западной Европе. Именно там были опубликованы «Взрослые сказки» Афанасьева, которые в России не предназначались для печати, потому что никакой ни фольклорной, ни художественной ценности они не представляют; именно там были опубликованы матерные стихи русских классиков; именно там поддерживают русских в кавычках «оппозиционеров» и в кавычках «либералов», которые ставят знак равенства между сквернословием и свободой слова, то есть наших, а не своих матерщинников. Тогда как в Англии, например, свой английский мат давным-давно прозвали *dirty Dozen* — грязной дюжиной, еще в Средние века изгнали мат из Кембриджа и Оксфорда, невозможность мата в цивилизованном английском обществе даже не обсуждается, это неприкасаемая общественная истина. А вот если в английских университетах сквернословят ребята, приехавшие из Восточной Европы, на это смотрят сквозь пальцы, им можно, они же варвары, недочеловеки.

К большому сожалению, Дальний Восток — чемпион России по сквернословью. Во всяком случае, молодежный, студенческий Дальний Восток. Сужу об этом как преподаватель многих дальневосточных вузов, включая ДВФУ, и нескольких хабаровских. Сужу по высказываниям коллег и вузовской администрации. Да и просто как человек, который немало ходил по улицам дальневосточных городов и в «нулевые», и в «десятые». Для большинства дальневосточной молодежи мат превратился в разговорный язык, а в вузах и средних учебных заведениях с ним даже не пытаются бороться.

Между тем в западных топовых университетах России этого нет уже точно лет десять, по крайней мере семь-восемь... В МГУ, СПбГУ мата студентов в общественных местах давно не слышно, мало его и в их личном пространстве, если только в каких-то крайних, эмоциональных, конфликтных ситуациях. Потому что там и руководство, и преподаватели, а главное — сами студенты поняли, что мат — это не знак свободы и «крутости», а знак слабости, безумия и тупости, что в наше прагматичное время сквернословие крайне непрагматично. Регулярно матерящийся человек очень быстро иссушает свои мозги. Его сознание дебилизуется. Это приговор каждому, кто обыденно и регулярно матерится, у них нет будущего.

Матерщина заставляет человека мыслить только штампами. Какие интеллектуальные и творческие задачи можно решать, когда мозг приучен к штампам? Никаких. Кроме того, мат это еще и реакция на то, что человек поверил в отсутствие социальных перспектив. Оттого так много мата в нижних социальных слоях, у тех, кого принято называть «работягами». Работяг можно пожалеть. И не все они матерщинники. В Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта еще в советское время было проведено любопытное исследование. Оказалось, что около девяноста процентов рабочих-рационализаторов почти не матерятся и мат осуждают...

Студент университета, молодой клерк или даже бизнесмен, регулярно матерящийся, также приучает свое сознание и подсознание к тому, что у него нет социальных лифтов, что ему не светит никакая карьера, никакие социальные статусы, у него не будет никакого успеха, никаких денег, никакого семейного счастья, разве что разврат. Он как бы машет рукой и говорит: «Да и х... с ним!»

А между тем в происхождении срамных слов нет ничего срамного. И сразу отметем глупый миф, что мат принесло на Русь монгольское иго. Есть лишь некоторое совпадение в звучании — например, с монгольским словом, обозначающим воинское, война.

В лингвистике термином «обсценная лексика» называют непристойные, бранные, нецензурные слова, то, что мы называем еще матом, матерщиной. Существует восемь обсценных корней и всего три первично матерщинных. Два ядерных существительных русского мата произошли от индоевропейских слов, первое — родственное современному слову «хвоя», обозначавшее иголку, что-то колкое, и второе — щель в земле или на камнях, из которой истекает вода. Самый популярный матерный глагол — от праславянского слова (скорее, тоже индоевропейского происхождения), которое можно перевести как «бить», «ударять», «стукать», и позже мы на нем остановимся. В наше время у древнейшего глагола на «е» появилось еще и значение «обмануть». (Кстати, современное слово с корнем «трах» — заменитель матерному глаголу, первоначально тоже обозначало звук при ударе, а потом повторило историю древнего слова.) Слово, обозначающее распутную женщину, восходит к праславянскому глаголу, который можно перевести на современный русский язык как «блуждать», то есть много и бестолково ходить, слоняться. В древности женщина с утра до вечера должна была заниматься конкретными делами — в доме, во дворе, в доисторическую эпоху — заниматься результативным собирательством, и бестолковое хождение женщины, коль оно бывало, рано или поздно должно было стать ругательством.

Параллельно развивались и другие слова, означавшие то же самое. Например, в древнерусском было слово и «уд» — конечность, и словосочетание «срамной уд», но они не имели такого распространения и значения, как те, что мы сегодня зовем матерщинными.

Человек изначально слаб. Он склонен находить себе кумира. Один поклоняется конструктивному — Богу, царю или герою, а другой предпочитает поклоняться темному, низкому, разрушительному, где нет ни Бога, ни царя, ни героя, и человека даже нет. Только инстинкты существа, который задуман как человек, но человеком быть не хочет или не может. Сегодня, в эпоху постмодернизма, это особенно развито. Для постмодерниста, даже если он и не знает такого слова, нет будущего как такового. И прошлого с его традициями и авторитетами тоже нет. Есть только «здесь и сейчас». А это очень узкое, мимолетное пространство. Для того чтобы его описать, достаточно три слова, три матерных слова.

Как бороться с матом в любом обществе? Существует только два метода — кнут и пряник. Пряник — просто говорить о проблеме, не замалчивать, и тогда она будет решаться. Просвещать, давать информацию. А в качестве кнута — неотвратимость наказания за любое сквернословие в любом общественном месте. На просвещенном Западе и не менее просвещенном Востоке это давно поняли. Там мата в публичном пространстве очень мало. У нас — много. Знаете почему? Как-то в ДВФУ гостил премьер-министр. Было много полиции. Я зашел в одну из немногочисленных курилок кампуса. Там стояли семеро полицейских в погонах — от старшего лейтенанта до майора. И все густо, со вкусом и с улыбочками матерились...

Конечно, полностью избавиться от мата ни всему обществу, ни части общества, ни отдельному человеку нельзя. О чем недвусмысленно сказал и президент на последней прямой линии, упомянув, что бывает — больно стукнется человек впотьмах о дверной косяк. Но здесь речь не о спонтанном мате, одиночном матерреакции, а о мате как жизненной позиции!

Человек — существо сильное, но и слабое, разумное, но и с животными инстинктами. Хотелось бы, чтобы слабости человека и его темные инстинкты были загнаны в маленькое, узкое пространство. Вот и матерщину каждый должен загнать в маленькое узкое пространство, в кромешную тень. Тем более что мат — это

древнейший человеческий инстинкт, и он вышел из доцивилизационного состояния человечества, из крошечной мглы.

Давайте рассмотрим это на примере самого устойчивого матерщинного словосочетания, по происхождению — самого древнего и самого страшного в русском языке проклятия, связанного с матерью и давшего сами термины *мат*, *матерщина*.

Самое известное, ключевое выражение русского мата, матерщины, обозначающее уничижающее действие по отношению к «твоей матери», восходит к праиндоевропейскому языку.

Мало кто обращает внимание, что в этом выражении сказуемым является не инфинитив на «-ть», а краткая форма причастия прошедшего времени совершенного вида третьего лица. То есть он уже сделал это с твоей матерью. Кто он? Это извечный противник Бога Неба, Громовержца — хтонический, из царства мертвых Пес. Пес как символ нечистоты и в целом Зла. И проделывал он это с Матерью Землей в отсутствие первоначального Бога-Громовержца, то есть в период мирового краха, катаклизма, временной победы Хаоса и Зла над Добром и Порядком. Ну и, кстати, вспомним, что русский мат расцветал в России именно в эпохи хаоса и упадка — во времена революционеров-террористов; в революции начала XX века — 1905–1907 годов, большевистского переворота 1917 года; во время Гражданской войны; во время «перестройки» конца восьмидесятых и вакханалии 1990-х годов. И как понять то, что сквернословие цветет в России, во всяком случае на ее периферии, сейчас?

Вернемся к древнейшим временам.

Пожелание полового акта Пса-дьявола и Матери Земли плюс перенос Матери Земли на мать собеседника — это несравнимое по черной силе и магическому масштабу ругательство. Сохранившееся в современном польском языке популярное ругательство «пс'я крeв» — песья кровь — из этой же праславянской области.

Кроме того, псами в праиндоевропейской, а затем в праславянской древности обозначали молодых воинов, еще не прошедших обряд инициации — посвящения в мужчины — а значит, воевавших, но не доказавших своих умений и доблести; часто погибающих; воевавших с худшим оружием или вовсе без него; воевавших далеко от дома, что немаловажно; не имеющих еще никакого права на зачатие сыновей. Псы, как и все смертники, были крайне агрессивны, им до инициации была неведома никакая мораль, то есть они еще и не считались людьми, а именно псами, нелюдьми. Таким образом, страшную силу этого древнейшего ругательства можно представить так: ты есть тот, кто родился от пса и от женщины, которая была вне дома (блуждала!), она вне закона и согрешила с тем, кто пока есть никто.

Главная семантика матерщины — это брань, крайнее оскорбление и крайняя агрессивность, а также семантика краев мира, где пока нет каких-либо установлений. Это даже не крайняя сексуальность, хотя ее в матерщине, конечно, полно. Главная семантика матерщины — это смерть мира.

Возьмем выражение «поле брани». Оно напрямую связано с матом и обсценной лексикой вообще. В эпоху междоусобных войн на Руси очень трудно было начать битву двум русским войскам, стоящим друг против друга. Какой-нибудь Путяга из Новгорода и Добрыня из Ростова еще вчера вместе пили мед и ходили на рыбалку, а теперь им надо друг друга калечить и убивать. С одной и с другой стороны поля долго доносилась страшная ругань, оскорбления, «мат-перемат» — брань, и только когда отключалось сознание и воспалялись древние инстинкты, воины бросались друг на друга. То есть нетрудно увидеть, что поле брани — это

искусственная эмоция, искусственная агрессия, а значит, агрессия от абсурда, а также от бессилия.

В языческую эпоху матерщина даже выполняла сакральную функцию — входила в священные ритуалы, в основном сельскохозяйственные, связанные с плодородием матери сырой земли, которую нужно, прежде чем засеять семенами, символически оплодотворить. Была активна сексуальная лексика и в ритуалах, которые сегодня бы назвали свальным грехом. Такие ритуалы язычников-праславян были призваны увеличить и символическое, и натуральное женское плодородие (растить детей было невероятно трудно, погибало их много). С приходом новой культурной и цивилизационной парадигмы — христианства и становления государства на Руси — языческие верования вообще и матерная речь в частности попали под жесткие запреты.

Итак, наступила другая парадигма — цивилизационная.

Мат не исчез, материться не перестали. Но только в узком личном кругу и в обстоятельствах какого-то гнета, когда человеку трудно терпеть. А из общественного, публичного пространства мат в русском обществе изгонялся, и до революций начала XX века — весьма успешно.

Одним из главных аргументов защитников мата являются ссылки на классиков литературы. Эти доводы не выдерживают никакой критики.

Да, матерились и Лев Толстой, и Иван Бунин, но уже очень старыми, полусумасшедшими, дабы поддержать тлеющие угли своей сексуальности и вообще жизни.

Да, матерился Пушкин, но еще малоразумным, еще очень молодым, в ту пору, когда он с головой окунулся в растлевающие удовольствия, вел донжуанский дневник, когда был яростным нонконформистом, брал уроки атеизма у заезжих англичан, и так далее. Но он быстро повзрослел. В двадцать три года Пушкин сел за «Евгения Онегина» и за себя совсем нового. Взрослого и мудрого.

Вообще в искусстве мат как прием вторичен, жалок и беспомощен. Конечно, проще позволить своему персонажу материться и гадить в лифте, чем нарисовать его полновесный образ.

Таланты, а тем более гении, не становятся таковыми с рождения. Они обязательно проходят очень трудный путь ошибок, парадоксов, падений, страданий и соблазнов — их больше, они много сильнее, чем у обычного человека. Лермонтов, прежде чем написать «Демона», «Мцыри» и «Героя нашего времени», чуть ли не заглядывал в лицо дьяволу, в особенности в юнкерские годы, когда писал свои матерщинные стихи и поэмы типа «Петергофа». Сам он писал про два года в Школе прапорщиков — «самые злополучные мои годы», в его письмах мы найдем жестокое самобичевание за тогдашнюю потребность в «чувственных наслаждениях». Заметим, что в 1832 году Лермонтову всего пятнадцать лет. И всю свою короткую жизнь поэт проживет среди увлечений и упреков совести, среди страстных порывов и сомнений, граничащих с отчаянием. Да, он проиграл дуэль своей силы своей слабости. Слабость и отчаяние победили. Но у большинства талантов выигрывает сила.

У Пушкина выиграла сила. Его дуэль на Черной речке — это война с захватчиками русской культуры, где он погиб; это не внутренняя война самого Пушкина, в своей внутренней войне Пушкин победил.

Теперь скажем о том, какому врагу проигрывают те, кто регулярно и обыденно матерится.

Обильный и повседневный мат в речи человека — это показатель даже не одной ментальной дыры, а целого сита ментальных дыр в этом человеке. Это показатель

того, что в нем бродят различные ментальные метастазы, если не остановить, они станут злокачественными.

Матерная речь — это нередко **продукт сексуальной озабоченности**. У Зигмунда Фрейда можно прочесть, что она бывает «при незавершенности детского пенис-вагинального периода». То есть это своего рода речевое рукоблудие, от которого в период взросления обязательно необходимо избавиться.

Акцентуация мышления и речи на половых признаках обоих полов может быть при **психосексуальной недоразвитости личности**, претенциозно-агрессивно, истероидно защищающейся от собственного опасения перед неудачами — и сексуальными, и разного рода другими; от страха не выполнить конкретный проект до страха, что он никогда ни в чем не самореализуется.

Конформистски-подстраивающийся мат возникает у личностей, опущенных на нижнюю ступень социальной иерархии. Следовательно, как бы ни был успешен студент перспективного университета, сделавший матерщину своей обыденностью, он все равно **ощущает себя связанным с социальным дном**, опущенным туда кем-то, когда-то и навсегда (*матерится как сапожник, извозчик, пэтэушник* и т. д.).

Демонстративная матерная речь у культурных, так сказать, мужчин — признак снижения у них сексуальной потенции. Они, **не осознавая того**, во-первых, пытаются восстановить потенцию, стимулируя себя сексуальными парадигмами; во-вторых, инфантилизируют себя (**одитячиваются**), делая якобы оправданной игру в запретные слова («я дитя, и потому-то по-мужски слаб»).

Нередко применяется **императивный, командный мат** — а это не что иное, как архаическое, зооантропологическое латентное (скрытое и подсознательное) **проявление гомосексуальности** как символизации доминирования в стаде среди других особей мужского пола...

Постоянный мат вызывает приток в кровь мужчины андрогенов, он вызывает эйфорию, кураж, которые быстро сменяются откатом, отливом энергии и мужских сил, что приводит в целом к ослаблению потенции, нередко к половому бессилию. О том, что регулярный мат разрушает творческие и интеллектуальные потенции, и говорить не приходится.

Женщинам мат особо опасен, он вызывает изменения на гормональном уровне (как бы яростно с этим ни спорили и как бы мало пока ни было этому прямым доказательствам), в женщине становится критически много мужских начал, начинается физиологический и психологический внутренний конфликт с тяжелыми последствиями. Косметологи отмечают, что матерящаяся женщина выглядит намного старше своих лет и грубее, это и есть одно из последствий матерщины. Никакие процедуры ей не помогают.

Регулярно матерятся девочки и девушки, это приводит к истерическому, стервозному психотипу и даже иногда развивает мужские вторичные половые признаки... В 1970-е годы на самой бандитской, пацанской окраине города Фрунзе, с ежедневными драками, поножовщиной и анашой, мы при девушках не матерились. При них было не принято. А вот теперь девушки матерятся при нас... Спасибо.

Девушки, женщины, применяющие не просто мат, а *мат командный*, **демонстрируют скрытый гермафродитизм**. То есть он уже им присущ. Они — уже ошибка природы, уже мутанты.

Междометийный мат свойственен людям с неразвитой речью и заполняет интервалы для подыскивания нужных слов и выражений... Междометийный мат — показатель того, что в человеке начался процесс дебилизации. К сожалению, междометийного мата в XX веке не была лишена речь как минимум двух руководителей России. Хрущева и Ельцина.

Вообще **убогая нецензурщина восполняет скудность языка при дебильности**, выполняя роль словесных протезов. Массовая нецензурщина приводит к дебилизации этих масс.

Выводы и литературу мы привели в самом начале. В конце — цитата из Словаря живого великорусского языка Владимира Даля. В слове «сквернословие» главный корень — скверна. Вот что такое «скверна» по Далю: «Мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно, нечистота, грязь, гниль, тление, мертвечина, извержения, кал, смрад, вонь, непотребство, разврат, нравственное растрение, все богопротивное, противоположное молитве».

Но есть жизнь без мата, без скверны, без поклонения разного рода хтоническим Псам, темным началам. Она называется просто — Жизнь.

Этим и закончим.

